

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-250-259

«ЖЕНЩИНА НА КРАЮ ВРЕМЕНИ»: ОПЫТ СУБЪЕКТА В ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ*

С.В. Рудановская

Российский университет дружбы народов
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье анализируются особенности феминистической утопии на примере романа Марж Пирси «Женщина на краю времени», посвященного проблемам становления субъекта на фоне господства гендерных стереотипов и инструментальной рациональности. Классическим утопиям порядка и единообразия противопоставляется утопия заботы, акцентирующая внимание на ценностях родства и различий. Утопическое рассматривается как неотъемлемый компонент социального и экзистенциального опыта субъекта, предпринимающего рискованное путешествие за пределы готовых идентичностей и социально признанных дефиниций (прежде всего бинарной оппозиции «нормальное»/«патологическое»).

Ключевые слова: литературная утопия, Марж Пирси, феминизм, опыт субъекта, забота, различия, жизнь, природа

УТОПИЯ РАЗЛИЧИЙ И ОПЫТ ДРУГОГО

Классические утопии, описывающие работу социальных механизмов, не знают принципа индивидуальных различий. Различия заменяются обобщенно-типическими характеристиками участников взаимодействия. Любые выражения чувств и эмоций лишь подтверждают господство принятых установок сознания, не отклоняются от господствующих моделей поведения. В классических утопиях индивиды — носители общей картины мира, общего жизнечувствования. Различия приобретают ценность в плюралистической среде, где индивидуальность со всеми своими странностями, отношениями, вкусами и динамикой изменений не расценивается как нечто опасное, неуместное, отклоняющееся от нормы (1).

Феминистическая утопия М. Пирси, провозглашая ценность различий, ориентируется на многообразие возможностей самоосуществления личности, становление которой зависит от процессов самопознания и самоопределения. Общество будущего предоставляет всем и каждому свободу выбора жизненного пути, исключая негласное осуждение этого выбора со стороны большинства.

В отличие от современных обществ, утопия допускает свободу выбора даже там, где, казалось бы, свободы выбора не существует (а есть только «норма» и «патология»), и где «нежелательный» выбор неминуемо обрекает человека на девиацию, подпадающую под юридические или моральные санкции.

Признавая индивидуальные различия, утопия не признает классификацию этих различий по выбраковываемому принципу «лучшего»/«худшего», «естест-

* Продолжение. Начало в номере № 1, 2017.

венного)»/«противоестественного», «нормального»/«патологического» (2). Биологические детерминанты, определяющие спектр доступных для индивида социальных ролей, теряют свою значимость. В утопии есть мужчины и женщины, но нет «женских» и «мужских» обязанностей, ограничивающих личностный выбор (3).

Человек будущего, в интерпретации М. Пирси, в первую очередь не мужчина или женщина, но субъект действия, творчества, волеизъявления (person). Ее/его характеризует толерантность по отношению к разнообразным другим (которые не считаются «больными», «безнадежными», «вызывающими»), а также заинтересованность в «другом» себе. «Мне хотелось бы быть всем, все испытать и попробовать» [10. loc. 2273], — восклицает один из утопийцев, тем самым признавая, что человек всегда больше, чем то, что он есть здесь и сейчас (4). Этот принцип отчетливо проявляется в поиске имени, которое никогда не бывает окончательным и свидетельствует о бесконечном процессе самопознания и само-открытия: «Лорд Байрон, Оседлавший волну, Темная луна, Дикая гусь» [10. loc. 2219] «[Когда-нибудь] я снова возьму себе новое имя, — «Кот, греющийся на солнце» [10. loc. 1371].

Быть собой в утопии означает быть разным, находится в постоянном поиске энергетического ядра собственного существования, и в то же время быть одним и тем же, заботливым, любящим, помнящим. Изменчивость не порождает измены самому себе, творческая импровизация и игра воображения не перекрывает заинтересованность в реальных других. Подобная способность к балансированию между индивидуальным и общим во многом связана с универсализацией процессов материнства, становящихся доступными для всех, независимо от пола и возраста. Каждый в утопии проходит через опыт вскармливания и воспитания жизни, каждый учиться ценить существующее, что уравнивает склонность к постоянному экспериментированию (5).

Утопическое общество — общество эксцентриков, выходящих за пределы наличного опыта, биологических ограничений, и в то же время умеющих слышать и уважать других. Утопийцам не знакомо бездумное следование штампам внутренней или внешней цензуры, автоматически табуирующей нетипичные проявления субъективности, хотя при этом все руководствуется безошибочным чувством ситуации, уместности действий. В Мэттапусетт господствует своеобразный «пуерелизм» (Й. Хейзинга): несерьезное отношение к «серьезному» (дисциплине, статусу) и серьезное отношение к «несерьезному» (желанию быть собой). Однако это ребячество ведет не к хаосу или деградации, а к освобождению от условностей, мешающих откровенной атмосфере, где только и возможно взаимопонимание. В отличие от современного человека, чье индивидуальное понимание завуалировано парадоксами вытеснения («я хочу одного, потому что на самом деле желаю совершенно другого, в чем невозможно себе признаться»), утопический человек не отчужден от своего Я, способен вникать в нюансы своей эмоциональной жизни, а также понимать эмоциональный настрой окружающих.

Как и в других классических утопиях, в феминистической утопии утверждается доверие к социальной реальности, но «реальность» сама по себе не является верховной сдерживающей инстанцией, необходимой для выявления и усмирения негативной идентичности, потерявшей связь с реальностью. «Сумасшествие»

в обществе будущего — не диагноз врачей, а состояние субъекта, принимающего решение сделать паузу в многочисленных социальных интеракциях, «побыть наедине со своими грезами, пророческими голосами, иметь возможность биться головой о стену, переживая заново период детства — воссоединиться со своим глубоко спрятанным внутренним я» [10. loc. 1144]. «Ненормальное» является одним из состояний, сопровождающих становление разумного существа. В утопии каждый имеет право на «сумасшествие», на то, чтобы периодически быть другим, несоциальным, во власти настроений, фантазий, психологических тупиков.

«Другое» утопии не только раскрепощает сознание, но и подрывает легитимность норм, на основании которых главную героиню признают сумасшедшей в современном обществе. «Безумие» героини видится результатом общего невнимания к ситуации думающей и чувствующей женщины, которая попадает в психиатрическую больницу вследствие недоразумения, предыдущей истории болезни и безличной логики социального отбора. Утопия, допускающая «немного сумасшествия», противопоставляется действительности, не принимающей свободу самовыражения, эмоционального раскрепощения. В этой связи произведение М. Пирси представляет собой критику психиатрических традиций, сложившихся к 70 гг. XX столетия, и совпадает с антипсихиатрическим направлением в современной социально-антропологической мысли (6).

Психиатрическая больница — своеобразная пародия на различия: в одном пространстве здесь сосуществуют масса разнообразных историй, несовпадающих «миров». Среди этого многообразия есть те, кто невменяем, а также те, кого считают невменяемым из-за особенностей поведения, неумения «сдерживать себя», идти на компромиссы за счет отказа от собственной самобытности. Но, в конечном счете, вся эта мозаика индивидуальных проявлений подгоняется под общий знаменатель психического расстройства, внутреннего дисбаланса, подлежащего выравниванию и психологической реставрации. При этом единственная планка, к которой стремится процесс лечения — это устранение эксцессов самопроявления, «бурления дискурсов» (М. Фуко), наложение запрета на исключительность, доминанту желаний. Откровенная субъективность признается болезнью (7). Лечение как исправление во многом замещает понимание: вместо того, чтобы решать проблемы другого — другому помогают самоустраниться. Как признается один из пациентов: «Мои родители посчитали, что я функционирую неправильно, поэтому они отослали меня на починку» [10. loc. 2633]. «Подобно тому, как обращаются с вещью: сломалась — починим. Покосилась — выпрямим. Помялась — исправим» [10. loc. 5394].

Больница для умалишенных — неотъемлемая часть «дисциплинарного общества» (М. Фуко), в котором творчество себя воспринимается как опасность «чумы», броуновского движения, не подразумевающего под собой никакой общественной пользы, с точки зрения производства, ориентированного на прибавочную стоимость (8). Те, кто не вписываются в стандарты существующей системы, либо изолируются, либо подвергаются исправительным процедурам, но никогда не остаются «сами по себе», без надзора, поскольку это угрожает разбалансированием функционального целого.

Психическая больница — образ абсолютной несвободы человека, находящегося под постоянным мониторингом со стороны медперсонала, пресекающего любую самостоятельность шоковой терапией: «Небольшое умственное увечье, чтобы втемашить в твою голову правильный образ действий. Иногда это срабатывало. Иногда женщина забывала свои страхи и беспокойство. Иногда женщина начинала бояться лишь одного — быть снова поджаренной, и она отправлялась домой, к своей семье и готовила еду, занималась домашней уборкой. Затем возможно через какое-то время она вспоминала и начинала бунтовать и тогда снова возвращалась туда, где из ее мозга делали барбекю» [10. loc. 1429]. Сумасшествие предстает как приговор, производящий кардинальные изменения в социальном статусе человека, который более не воспринимается как автономный субъект, но лишь как носитель проблемной «субъективности». Слова и действия индивида теряют какую-либо значимость, репрезентируя только случай болезни.

Утопия символизирует сферу мысли и чувства, где человек заново обретает себя, ускользя из-под власти диагноза, моноидентичности как результата психологических обобщений и классифицирующих процедур. Сознание другого замыкает замкнутое пространство одного и того же, позволяя героине быть принципиально другой, нужной и значимой, свободной в своих путешествиях за пределы настоящего.

Несанкционированные путешествия в утопию — компенсация многочисленных запретов, низводящих человека до уровня объекта, обездвиживающих его на уровне чувств и эмоций. Но помимо компенсаторной функции подобные путешествия радикализуют восприятие действительности, заставляют героиню пересмотреть принятые системы координат, в которых есть «больные», не разбирающиеся в себе и реальности, нуждающиеся в опеке, и «эксперты», знающие/видящие реальность как она есть и на этом основании осуществляющие опеку.

Утопия проблематизирует законность распределения «мест» и «полномочий», а также создает точку опоры для самоопределения героини, которая не считает себя сумасшедшей, и вместо «исправления», еще больше погружается в «болезнь», генерирующую недоверие к принятым категориям описания реальности, а также сопротивление методам нормализации/обесценивания другого.

УТОПИЯ ЖИЗНИ И ОПЫТ СМЕРТИ

Феминистическая утопия — олицетворение жизни, сопротивляющейся какой-либо окончательной упорядоченности и совершенной организации. Вместо распределения людей по своим «местам» утопия производит творческий беспорядок, стирает дистанции, создает условия для свободного роста индивидуальности в событийном потоке взаимодействий, где дети и взрослые, люди и животные, работающие и учащиеся, представители различных искусств и наук находятся рядом, недалеко друг от друга. «Пусть расцветают все цветы», — таково общее умонастроение сообщества Мэттапуасетт. Однако при этом эйфория свободы и неисчерпаемости жизненных возможностей сопровождается осознанием уникальности, неповторимости и временности индивидуального бытия: «Мы все в глу-

бине своего существа связаны со смертью — если ты этого не осознаешь, твоя жизнь пуста, не так ли?» [10. loc. 2920].

Смерть в утопии воспринимается как часть самой жизни, как то, что придает ценность и значимость индивидуальному времени на фоне бесконечного движения сменяющих друг друга форм. Смерть не вторгается в жизнь извне как нечто принципиально чуждое ей, но является невыдуманным пределом развития, упорядочивающим индивидуальную жизнь изнутри, заставляющим субъекта считаться с реальностью, превышающей и ограничивающей субъективные запросы (9).

Оппозицией жизни является не столько биологическая смерть, сколько полагание искусственных пределов многообразию жизненных потенций, социально-психологическое состояние отчуждения от участия в выборе «своего» и «другого», подмена жизни формальным исполнением ролевых функций. «Чужое» утопии воплощается в образе технократической цивилизации (антиутопии), существующей в виде анклавов на границе утопических сообществ и представляющей собой инфляцию искусственного в многочисленных процессах (само-) конструирования индивидов, которые ориентируются в своем выборе на общие стандарты телесных форм и поведенческих реакций. При этом внешние враги утопии являются результатом доведенных до предела тенденций, которые намечаются в развитом индустриальном обществе и происходят из внутренних побуждений индустриального человека, стремящего инструментально контролировать природу и общество, редуцируя сложные жизненные потоки до функциональных систем.

«Чужое» утопии — формально-бюрократические процедуры решения человеческих проблем, убийственная забота о форме, инструкциях, показывающих триумф рассудочной деятельности над хаосом чувств, абсолютное абстрагирование от жизни и смерти конкретного человека (10). Главной героине и сообществу будущего угрожает исчезновение под натиском «чужого». Героине — в результате операции, формально возвращающей ее в «нормальное» состояние, но фактически означающей социально-психологическую смерть субъекта. Сообществу будущего — в результате победы инструментального разума в истории, в том числе благодаря возможностям медицины управлять интенсивностью чувств и эмоций пациентов, хирургически вмешиваясь в организм человека.

И героиня, и утопия оказываются в пограничной ситуации между жизнью и смертью, но при этом именно героиня является главным действующим лицом, способным повлиять на исход данной ситуации в настоящем, где жизнеутверждающие и деструктивные тенденции конкурируют между собой. «Прошлое — это спорная территория» [10. loc. 5093], — говорит представительница утопии, имея в виду, что существование их сообщества в целом не гарантировано. Но также опыт субъекта — это «спорная» территория и полностью зависит от личного выбора, меняющего соотношение между утопическим и действительным, возможным и невозможным.

Утопия ставит героиню в ситуацию выбора в безвыходной ситуации, когда операция по вживлению имплантов запланирована и ничто не может остановить работу системы. В этой ситуации одиночество слабой женщины превращается

в одиночество человека, осознающего себя на линии фронта, ведущего войну за подавляемые возможности утопических и реальных субъектов. В этой неравной войне женщина, с одной стороны, преодолевает свою «природу», склонность к смирению и примирению с существующим порядком вещей, привязанность к «имманентному» [1]. С другой стороны, обращается к «духу» самой природы в себе самой, в окружающей действительности, к тому, что постоянно сводится на нет, ущемляется, подвергается насилию, но все же не исчезает. Природа в широком смысле слова как энергия роста и желания быть становится союзником в борьбе за субъекта наряду с утопией. Если социум проводит границы, изолирует, «обездвиживает», то природа сметает или обходит социальные конструкты. Сначала на уровне ментальном (путешествие героини в утопию), затем на уровне физическом (бегство из больницы с последующим водворением обратно), и в конечном итоге на уровне морально-юридическом (отравление врачей, ответственных за операцию). Природа не руководствуется дисциплинирующими правилами и инструкциями. Она действует резко, инстинктивно, как затравленное животное, сопротивляющееся превращению в артефакт или бесперебойно действующий механизм. Но также подпольно, скрытно, ризоматически нащупывая пути к своему освобождению, как ведьма, чьи действия невозможно просчитать, поскольку она использует то, что под рукой (случай, предлог, притворство, праздники, цветы, яд), спонтанно устанавливает связи, плетет сети, скрывается под различными масками, чтобы проявить свою истинную (несоциализированную, дикую) суть в самый неожиданный момент.

Также как и природа, Консуэло демонстрирует удивительную живучесть, несмотря на систематическое «умерщвление»: изнасилование, стерилизация, лишение родительских прав, заключение в психбольницу, насильственное участие в эксперименте по вживлению механизмов, не допускающих стихийного проявления чувств. Как природа адаптируется к самым сложным условиям, также поступает и главная героиня, уходя в подполье, становясь «невидимой» в качестве самостоятельного субъекта. Вместо открытого противостояния, которое невозможно в существующих условиях, ведется женская война, с ее уклончивостью, хитростями, притворством, постоянным поиском лазеек в безвыходных ситуациях: «Ты всегда можешь сопротивляться угнетателям, когда создаешь видимость сотрудничества с ними» [10. loc. 6188]. И вместе с тем, это уже не «женская» война, где субъект руководствуется эгоцентрическим/истерическим желанием заявить о себе и заставить страдать других.

Следуя природе (желанию чувствовать, дарить свои чувства другим), субъект вступает в войну с системой, пытающейся раз и навсегда «определить» границы чувств и желаний. И в этом противостоянии номада, не замечающая, трансцендирующая или спонтанно ломающая границы, превращается в экзистенциального субъекта, осознающего безвыходность ситуации (для себя) и в то же время озабоченного подлинностью момента своего действия, которое ничего не меняет в масштабах всего общества (убийство врачей, ответственных за операцию), но вместе с тем свидетельствует о непокоренной природе и субъективности, о невозможности тотального контроля над человеком и дисфункциональности дисциплинарных матриц.

Насилие становится самовыражением субъекта, который меньше всего стремится к насилию. Героиня прибегает к насилию, сопротивляясь превращению в объект, напоминая о присутствии других субъектов, вытесненных на обочину социального, а также в сферу утопии. Освобождение героини, совпадающее с радикальным действием, показывает невозможность сохранять позицию разумного наблюдателя в мире, где разум абстрагируется от потока жизни, озабочен проблемами безопасного существования, предсказуемой субъективности, создавая «царство комфортабельной несвободы» (Г. Маркузе).

Чтобы быть собой в этом мире, женщина с именем, означающим «утешение», вынуждена убивать, а не вскармливать, вынуждена идти на преступление, чтобы утвердить значимость простых вещей: любовь к живому, отзывчивость, возможность размышлять и быть с дорогими людьми. И вместе с тем радикальное действие граничит с поражением, отчаянием, отказом от идеалов заботы, своеобразным подтверждением запротоколированного «безумия».

В конце повествования субъект остается один. После преступления замолкает мир утопии: «Она не могла более воспринимать сигналы из будущего. Она опустила свое сознание и перестала быть восприимчивой. Она перестала чувствовать боль. Но она думала о Мэттапуасетт» [10. loc. 7124]. Это молчание многозначно и апеллирует к субъективному опыту читателя, который сталкивается со сложным соотношением между реальным, имеющим место быть в сознании довольного большинства, и утопическим, прорывающимся в реальность временными озарениями субъекта, страдающего от наличной действительности. Молчание утопии может означать и гибель утопии будущего (после ошибочного действия субъекта), и убийство «утопического» в себе (благодаря которому возможна была коммуникация с утопией), и осуществление утопического желания быть субъектом, несмотря ни на что (исчезновение утопии как неосуществленной возможности, порождающей внутренний диалог).

Но примечательно и другое. Наличие или присутствие утопии с некоторого момента повествования уже ничего не меняет. Если сначала героиня ждет от утопии освобождения, то перед преступлением она ясно понимает расстояния, границы и различия. В утопии коллективно сражаются за социальное, за все его многочисленные проявления в данный момент времени, героиня — за тех, кто оказался за пределами активной социальной жизни, за непроявленное, подавляемое, возможное, «на краю времени», на свой страх и риск, не посвящая в свои планы своих друзей из будущего. Утопия в данном случае — выбор субъекта, который, несмотря на свою связь с природой, утопическим, а может быть именно благодаря этим связям, проходит через опыт одиночества.

Одиноким субъектом в каком-то смысле сродни утопии, не имеющей определенного места и устойчивой легитимации в континууме осуществленных идей и физических явлений. Также как и утопия, субъект, стремящийся к подлинному взаимодействию с другими, в большей степени реализуется во временном измерении, в моменты, когда «внутреннее» время размыкает «объективное», позволяя «неуместному» с точки зрения большинства приобрести форму поступка, слова,

отношения здесь и сейчас (11). Утопия не столько определяет опыт субъекта, сколько является откровением субъекта о себе самом и других, откровением неоднозначным, схваченным в моменты искренности, порыва за пределы возможно-го, в моменты интуитивного согласия с реальным или воображаемым Другим и как любые откровения, требующим интерпретации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Об онтологии и социальной философии различий см. монографию П.К. Гречко [3].
- (2) Аргументы, легитимирующие «ненормальность», «противоестественность» желаний, формирующих образ негативной гендерной идентичности, анализируются в статье Ф.В. Тагирова [4].
- (3) К ужасу героини, мужчины в этом обществе кормят грудью, женщины не рожают детей, однополая любовь не считается преступлением против природы и общества, также как и решение человека придерживаться холостяцкого образа жизни.
- (4) Этот принцип напоминает идею Ж.-П. Сартра о человеке как проекте, хотя вместе с тем ближе к постмодернистской идее о множественной идентичности.
- (5) Быть матерью в утопии естественно для всех, как и быть мастером своего дела. Универсализация процессов материнства напрямую отвечает идеям эмансипации женщин [7] и свидетельствует о преодолении привязанностей к гендерному ролевому репертуару.
- (6) Об антипсихиатрическом движении в западной культуре и философии см. монографию О.А. Власовой [2].
- (7) В произведении обыгрывается тема Другого как субъекта и Другого как «больного». Об этом см. [6. Р. 70].
- (8) «Чума как форма реального и воображаемого беспорядка имеет своим медицинским и политическим коррелятом дисциплину. За дисциплинарными механизмами можно увидеть неизгладимый след, оставленный в памяти „заразой“: чумой, бунтами, преступлениями, бродяжничеством, дезертирством, людьми, которые появляются и исчезают без всякого порядка» [5. С. 283].
- (9) Идеи утопийцев о жизни и смерти близки философии жизни, культивирующей герменевтическое понимание творческой мощи бытия (созерцания большого мира), а также экзистенциальной философии, акцентирующей внимание на аутентичности существования субъекта, помнящего о смерти. Однако философия жизни утопийцев основывается на универсальном опыте материнства, преодолевающим трагическое чувство хрупкости человеческого существования.
- (10) Разговор врачей в психиатрическом заведении показывает массовый характер жизни и смерти, превращающихся в статистические явления, которые нужно должным образом запротокोलировать: «...Зачем докторам резать каждого очокуившегося сумасшедшего. Увидев одного, считай, что видел их всех» — «Им надо что-то написать в свидетельстве о смерти» [10. loc. 2613].
- (11) Как пишет Н. Фрай: «Фактически и этимологически утопия — не место; и когда в ней происходит трансценденция общества, которое располагается везде, она может существовать только в оставшейся невидимой и непространственной точке в центре существующего пространства... „здесь“». [8. Р. 347]. О важности утопического самовыражения пишет и Т.Мойлэн: «[В реальности] не может быть никакой Утопии, но могут быть утопические экспрессии, которые непрестанно сотрясают достижения настоящего, компромиссы, на которые идет общество, и указывают на то, что еще не было освоено в практическом преобразовании [действительности] (which is not yet experienced in human project of fulfillment and creation)» [9. Р. 28].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бовуар де С. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
- [2] Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. Монография. Москва: Изд-во РГСУ «Союз», 2006.
- [3] Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006.
- [4] Тагиров Ф.В. Субстанциальность желания и трансформации сексуального // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. М., 2015. № 1.
- [5] Фуко М. Рождение тюрьмы. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.
- [6] Das V., Das R.K. How the Body Speaks. Illness and the Lifeworld among the Urban Poor // *Subjectivity: Ethnographic Investigations*. Eds by J. Bichl, B. Good and A. Kleiman. Berkeley and Los Angeles, L.: University of California Press, 2007.
- [7] Firestone Sh. *The Dialectic of Sex. The Case for Feminist Revolution*. N.Y.: A Bantam Book, 1978 (8th printing).
- [8] Frye N. Varieties of Literary Utopias // *Daedalus*. 1965. Vol. 94. N 2. URL: <http://www.jstore.org/stable/20026912> (дата обращения: 27.01.2014).
- [9] Moylan T. *Demand the Impossible. Science fiction and the utopian imagination*. New York and London: Methuen, 1986.
- [10] Piercy M. *Woman on the Edge of Time*. Ballantine Books, 2010 (Kindle reprint edition. 1st edition 1976).

Сведения об авторе:

Рудановская Светлана Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: rudsv@live.ru)

DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-250-259

“WOMAN ON THE EDGE OF TIME”: EXPERIENCE OF THE SUBJECT IN FEMINIST UTOPIAN FICTION

S.V. Rudanovskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article centers on the specific features of feminist utopia with the analysis of Marge Piercy's novel “Woman on the Edge of Time” devoted to the development of the subject against the power of gender stereotypes and instrumental control over nature and human feelings. In contrast with classical utopias, the feminist utopia of care emphasizes values of differences and affinity. The visions of utopia are seen as an essential component of social and existential experience of the subject who undertakes a risky task of travelling beyond the ready-made identities and socially recognized definitions (first of all, binary opposites “normal”/“pathological”).

Key words: literary utopia, Marge Piercy, feminism, experience of the subject, care, differences, life, nature

REFERENCES

- [1] Bovuar de S. *Vtoroj pol*. Moscow: Progress, Saint Petersburg: Aletejya; 1997.
- [2] Vlasova OA. *Antipsihiatriya: stanovlenie i razvitie*. Monografiya. Moscow: RGSU “Soyuz”; 2006.

- [3] Grechko PK. *Razlichiya: ot terpimosti k kul'ture tolerantnosti*. Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo universiteta druzhby narodov, 2006.
- [4] Tagirov FV. Substancial'nost' zhelaniya i transformacii seksual'nogo. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. 2015; (1).
- [5] Fuko M. *Rozhdenie tyur'my. Nadzirat' i nakazyvat'*. Moscow: Ad Marginem, 1999.
- [6] Das V, Das RK. How the Body Speaks. Illness and the Lifeworld among the Urban Poor. In: *Subjectivity: Ethnographic Investigations*. Eds by J. Bichl, B. Good and A. Kleiman. Berkeley and Los Angeles, L.: University of California Press; 2007.
- [7] Firestone Sh. *The Dialectic of Sex. The Case for Feminist Revolution*. N.Y.: A Bantom Book; 1978 (8th printing).
- [8] Frye N. Varieties of Literary Utopias. *Daedalus*. 1965; 94 (2). URL: <http://www.jstore.org/stable/20026912>.
- [9] Moylan T. *Demand the Impossible. Science fiction and the utopian imagination*. New York and London: Methuen; 1986.
- [10] Piercy M. *Woman on the Edge of Time*. Ballantine Books, 2010 (Kindle reprint edition. 1st edition 1976).